

связи перепиской. А когда С. Л. Толстому стало совсем худо, сын его — Сергей Сергеевич — пишет Яковлеву: «Позвольте мне прежде всего от всей души благодарить Вас за Ваше неоценимое внимание и доброту в отношении моего отца. Слов нет, чтобы передать Вам, как мы тронуты Вашей отзывчивостью»⁷³. В последнем из сохранившихся писем С. С. Толстой выразил свое и отца отношение к Яковлеву: «В качестве вещественного знака наших чувств разрешите послать Вам в подарок тот портрет Льва Николаевича, который всю жизнь висел над письменным столом моего отца, который глубоко уважал Вас и до последнего своего дня неизменно справлялся о Вас и посылал Вам привет»⁷⁴ (разрядка наша.— А. И.).

Наши поиски еще далеко не закончены, но уже теперь ясно, что рукопись Симбирского сборника, произведения С. Л. Толстого на чувашскую тему являются замечательной страницей в истории русско-чувашских культурных взаимосвязей.

И физик, и лирик

Имя Павла Мироновича Миронова (1863—1921), возможно, известно читателям, ибо в литературе о СЧУШ в последние годы оно упоминается. Вместе с тем научная, общественно-педагогическая деятельность Миронова до сих пор остается малоизвестной.

Миронов проявил себя в качестве учителя пения и музыки, делал обработки народных песен для хора. И. Я. Яковлев, на склоне лет перебирая в памяти своих отличившихся учеников, сумевших особо проявить себя на общественно-педагогическом, научном и других поприщах, упомянул: «Будто бы Миронов успешно решил предложенные Французской Академией наук математические задачи». Эту весть он услышал от С. А. Акимова — одного из бывших своих учеников, окончившего Сорбоннский университет. Ссылаясь также на С. А. Акимова, И. Я. Яковлев сообщил: «Миронов с успехом занимался еще естественными науками, особенно ботаникой»⁷⁵.

В своих мемуарах И. Я. Яковлев представил ученика и как автора учебников: «...Он издал три своих труда по математике—геометрии, алгебре и арифметике». Действительно, П. М. Миронов с 1890 года вплоть до начала первой мировой войны выступал как активный автор книг по математике для городских училищ. Одна из них издава-

лась под названием «Приготовительный курс по геометрии». (Составитель Миронов, Самара, 1890 г). Она выдержала 8 изданий. Не меньшим успехом пользовался учебник геометрии с приложением: 1) вопросов для повторения; 2) геометрических упражнений; 3) разверток тел. Книга издавалась в Уфе и Москве неоднократно. Учебником по арифметике, вероятно, следует считать книгу, изданную под названием «Решение основных задач на правила: тройное, процентное, учета векселей, пропорционального деления и смешения».

Биография Павла Миронова схожа с биографиями многих лучших представителей чувашской (да и только ли чувашской?) интеллигенции, вышедших из бедной крестьянской среды. Оставив пастушество, тайком он ушел из родной деревни в Симбирск, И. Я. Яковлев, тогда еще студент Казанского университета, принял мальчика в школу.

Павел Миронов, успешно окончивший учительскую школу в 1879 году, был оставлен в ней на преподавательскую работу, а через год поступил в Оренбургский учительский институт. Он первым из учеников СЧУИ переступил порог этого «плебейского университета», как прозвали тогда это учебное заведение в народе, так как он не давал высшего образования и не открывал доступа в высшее учебное заведение. Хотя институт был тушюковым учебным заведением, но Миронов здесь сумел получить *много для развития своего природного таланта, закончил институт с золотой медалью.*

В учебнике, изданном в 1890 году, указано, что П. М. Миронов является инспектором Уфимского I-го городского училища. По воспоминаниям И. Я. Яковлева, один из прогрессивных деятелей народного просвещения среди инородцев Н. А. Бобровников, будучи попечителем учебного округа, назначил П. М. Миронова «сначала инспектором народных училищ в Уральской области, потом директором училищ той же области»⁷⁶.

В годы все усиливающегося гонения на языки инородцев П. М. Миронов напечатал в «Журнале министерства народного просвещения» (август 1910 года) статью «Очерки о русско-киргизских школах». Она является пока единственным источником, характеризующим общественно-педагогические взгляды его. В ней прослежена история казахского просвещения с введения системы Н. И. Ильминского, дано описание состояния народного образования в крае. Основной целью является дальнейшее развитие системы

школ в области. Автором выдвинуты вопросы по расширению сети начальных училищ. Вместе с тем он утверждает, что без укрепления двухклассных школ не добиться совершенствования учебно-методической работы в одноклассных школах. Эта задача, по мнению автора, не может быть решена без открытия учительской семинарии в области.

Сведения о Миронове-музыканте обнаружены сначала в его письмах к своему учителю И. Я. Яковлеву, заменившему ему и брата, и отца. В середине 1890 годов Мионов пишет из Уфы, что наряду с преподаванием математики имеет уроки пения и музыки⁷⁷. «А мне все более хотелось бы служить в Симбирской губернии. Я еще не потерял надежды устроиться в Казанском учебном округе», — звучит голос ученика. С такой же просьбой обращается П. М. Мионов к В. И. Фармаковскому, бывшему инспектору народных училищ Симбирской губернии, сослуживцу И. Н. Ульянова. Речь снова идет о его занятиях музыкой: наряду с геометрией и естественной историей, он преподает пение в женской гимназии⁷⁸.

Открыл имя Павла Миронова — страстного любителя народной песни, гармонизатора их — В. Ахун. Тонкий ценитель народной песни, исходивший не одну тысячу километров, подаривший читателям сборник чувашских народных баллад и песен «Палнай», Валентин Осипович не оставляет без внимания самые незначительные на первый взгляд сведения по истории культуры родного народа.

В типографии Казанского университета в 1909 и 1911 годах дважды печаталась обработка чувашской хороводно-игровой песни, гармонизация ее была сделана П. Мионовым. Ю. А. Илюхин переложил ее с цифирной на обычную систему нотации, музыковедческий анализ сделал К. Н. Никитин, занимающийся историей отечественной культуры. «Партитура вызвала предельное внимание, уважение, — признавался Никитин, знающий из нашего рассказа, что обработка принадлежит не композитору, а учителю народной школы. — Прежде всего обращает на себя внимание несомненное знание автором хора его возможностей, основных приемов хорового письма. Каждая партия использована в наиболее удобной, звучной, так называемой «примерной» зоне ее диапазона. Стиль обработки демократичен, он рассчитан на быстрое разучивание произведения и яркое звучание при исполнении. Замечательна и в высшей степени дальновидна практическая автора, создавшего 3 варианта обработки: 1-й — для большого смешан-

ного хора с постоянным шестиголосием (два дисканта, альт, два тенора, бас) и эпизодическим *divisi* партии альтов (в последнем аккорде); 2-ой — для трехголосного детского (женского) хора (два дисканта и альт); 3-й — для четырехголосного смешанного хора (дискант, альт, тенор, бас) с *divisi* альтов в заключительном аккорде. Сам факт обработки песни для трех различных по составу хоров свидетельствует о горячем желании аранжировщика сделать ее доступной для возможно большего числа коллективов, чтобы она звучала как можно чаще».

Анализируя партитуру, Никитин находит, что обработка сделана для школьного хора, ибо здесь нет настоящих низких басов, высокие голоса именуются дискантами, а не сопрано. Аранжировщик отлично слышит и чувствует хор как специфический инструмент: «Гомофонно-гармоническая фактура обработки, октавные удвоения в партиях 1-х голосов (дисканты и тенор), ритмическое единство в произнесении текста, тесное расположение аккордов в высокой и средней тесситуре — все это обеспечивает плотное, сочное звучание, донесение до слушателя смысла и характера исполняемого».

В партитуре видно и стремление автора передать колорит народной мелодии средствами гармонии и фактуры: «Об этом свидетельствует, — замечает Никитин, — плагальность первого гармонического оборота, когда из двух с половиной тактов полтора (2-я половина 1-го такта и весь второй) приходится на функцию субдоминанты. Правда, традиция классической гармонии оказалась сильнее ладовых основ народной музыки, и потому доминанта звучит в самом «благополучном» виде, с 7-й высокой ступенью. Это тем более примечательно, что при ключе автор выставляет всего два диэза. Это сразу определяет основной лад — «миксолидийский ля (однако на всем протяжении звук соль неизменно появляется с диэзом)».

Очень верно подмечен песенно-танцевальный характер обрабатываемого материала, и, пожалуй, никакой другой тип фактуры не подошел бы к этой мелодии, не подчеркнул бы так ярко праздничный характер пения и гимничность скандирования хора. Ни в одном из трех вариантов нет голоса, партия которого совпадала бы с партией этого же голоса в каком-либо другом варианте. Думается, что это обстоятельство вызвано к жизни не только различием хоровых составов в вариантах, но и влиянием принципа вариационности, типичного для народной музыки. Плотное многоголосие, употребленное в обработке, не ха-

рактрно для чувашской народной музыки, в основе своей одноголосной. Многоголосие — это результат влияния русской хоровой народно-песенной и профессиональной культуры». По мнению Никитина, Миронов принадлежал к школе Смоленского. Действительно, Миронов так или иначе восходит к ученикам Смоленского, ибо в Симбирской чувашской школе Миронов учился у Андрея Петрова — воспитанника Казанской инородческой учительской семинарии. Ученики Миронова по Приуральскому педагогическому техникуму в Уфе рассказывали, что он был активным собирателем чувашских песен до конца жизни.

Миронов, верный ульяновско-яковлевским принципам, стремился осуществить их в жизни. В первые годы Советской власти, несмотря на лишения, холод и голод, он оставался в трудовом строю: возглавил в Уфе педагогический техникум.

Подвиг гонимого учителя

В 1912 году, через четыре года после выхода сборника «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним», был отпечатан второй сборник под тем же названием. Разделяя участь других книг, задержанных цензурой, сборник пролежал на складе до 1914 года.

Собрал песни и составил сборник Петр Васильевич Пазухин (1889—1917) — воспитанник И. М. Дмитриева, учитель сельской школы, замечательный хоровой деятель, начинающий композитор.

Пазухин происходит из деревни Полевое Чекурово Буинского уезда Симбирской губернии. В его послужном списке, хранящемся в Центральном государственном военно-историческом архиве, дается дата рождения — 1 апреля 1889⁷⁹ года, вместо указываемой в биографических справках 22 июля 1888 года⁸⁰. По рассказам родственника по материнской линии Н. В. Никифорова, П. В. Пазухин провел детство в Кизическом монастыре в Казани в качестве послушника: ему уготована была судьба певчего-монаха. По свидетельствам биографов, Пазухин в 1896 году поступил в Арабосинскую двухклассную школу и окончил ее в 1903 г. В Симбирске Пазухин пробыл с 1903 по 1909 год, полных шесть лет, отмеченных бурными событиями в жизни всей России. Годы эти (особенно 1905—1907) оставили неизгладимый след в развитии чувашской демократической культуры. Пазухин был активным участником многих этих событий. Он рос, учился среди целой